

Юрий Михайлик

В том небе, которое нам дано

* * *

Это мы – из тьмы
да в костер страстей,
что ни шаг – во мрак –
не собрать костей.
Чем жарче костер,
тем ярче простор,
а вокруг огней
тьма еще темней.

* * *

В покинутом доме хлопнула дверь, зажегся свет и погас.
Учетчикам наших поздних потерь легко обойтись без нас.
Им наши удачи – до фонаря, а наши долги – не в честь.
И поиски эти затеяны зря – потеряно было не здесь.

Не здесь – во мхах, и не там – впотьмах, не в ворохе прелой листвы,
не там, где, сердит, неотрывно следит немигающий глаз совы.
Недвижна вода ночного пруда, забвением дышит пруд.
Из каждых двоих не узнать своих, а чужих не бывает тут.

Над темным прудом – покинутый дом, и шелест – снов или крыл? –
и вход паутиной оброс как стыдом, а двери ветер открыл.
И вспыхнул свет, и погас во мгле, в хрипеньи ночных простуд.
Там книга лежит на темном столе. Но вряд ли ее прочтут.

* * *

Море горит зеленым, красным, белым и голубым огнем.
Обычно это происходит ночью, но иногда случается днем.
Не салют, не фейерверк, не праздник, не зороастровы степные костры,
не то, что балуется море и дразнит лунных морей сухие миры...
Евгена зеленая пятому классу объяснила – это сияет планктон,
цветная плавающая биомасса. (Синий кит достигает шестидесяти тонн.)
Напитавшись этим морским пожаром, киты уплывают куда-то на юг,
стадами, поодиночке, парами – плывут под водой и поют,
чтоб оборвать – мгновенно, вместе – плавный долгий плывущий стон,
а спустя полгода вернуться в песню – на ту же ноту и в тот же тон.
Над обрывом опромные звезды дышат, купол держит слабый мерцающий ритм.
Даже если море понимает и слышит, море занято – море горит.
Черное – зеленое и голубое, в белом разгуле, в красно-синей шальной гульбе
откликается звездам, приемный покой над тобою адресует каждый укол и упрек тебе.
Звезды помнят свой ритм. Влажный пламень коснется руки. Море горит. Киты уплывают, трубя.
И не ты выбираешь длину строки. Она достигает тебя.

* * *

Есть сигнал – налет, и сигнал – отбой,
есть убитые города.
А звездного неба над головой
здесь не было никогда.
И когда поднимаешь глаза вверх –
на бегство бедных комет,
там свой Сталинград и свой Кенигсберг
на сто световых лет.
Никто не знает, сколько небес
уносится вдаль, в разлет,
и сколько созвездий, рожденных здесь,
никто нигде не найдет.
В том небе, которое нам не дано –
как не дано никому, –
звезда Бетельгейзе погибла давно,
она ослепла в дыму.
В неведомых звездах полночь встает,
как тысячи лет назад,
ни одна из них не прервет полет,
чтоб встретить прощальный взгляд.
Только мягкий блеск возлюбленных глаз,
только дальний отзвон беды –
лишь они одни достигают нас,
как свет погибшей звезды.

